

Н.П. Матвеева, О.Е. Пошехонова

**Половозрастной состав захоронений могильника
Устюг-1 и особенности погребальной практики**

Аннотация. В статье рассмотрены результаты многолетних исследований уникального некрополя Устюг-1 эпохи Великого переселения народов. Материалы могильника отражают формирование бакальской культуры с участием разнородных компонентов, что проявляется в разнообразии деталей погребального обряда и наборов керамики, в том числе с точки зрения ее форм, узоров, состава теста и приемов конструирования, позволяющих видеть карымские, псевдокушнареновские и какие-то среднеазиатско-казахстанские традиции. Антропологически исследованы костные остатки 30 индивидов. По имеющимся данным не зафиксирована особая система в расположении центральных и периферийных могил в соответствии с полом или возрастом. Можно отметить лишь, что отдельные курганы сооружались для людей любого возраста и пола, вероятно, по обстоятельствам смерти. От статуса личности, видимо, зависели размеры насыпи и могилы, количество сосудов с пищей и вещи, помещаемые с умершим.

Ключевые слова: Западная Сибирь, голоцен, эпоха Великого переселения народов, могильник, бакальская археологическая культура, половозрастной состав, погребальная практика, мигранты.

N.P. Matveeva, O.E. Poshekhnova

**Gender and age structure of the burial ground
Ustyug-1 and the peculiarities of burial practice**

Summary. The article deals with the results of the long-term researches of unique necropolis Ustyug-1 of the epoch of the Great people's Migration. The materials of the burial ground reflects the formation of Bakal culture with the involvement of dissimilar components, that appears in a variety of details of the burial rite and ceramic sets, including in terms of its forms, patterns, mix proportions and design techniques, allowing to see Karym, Pseudokushnaren and some Central Asian-Kazakh traditions. Anthropologically the bone remains of 30 individuals were examined. According to available data a particular system in the location of the central and peripheral graves in compliance with gender or age was not found. It may be noted that separate burial mounds were constructed for people of any age and gender, perhaps, in the circumstances of death. Apparently, the size of the mound and grave, number of vessels with food and personal objects, placed with the dead depended on the status of a person.

Keywords: Western Siberia, Holocene, epoch of Great people's Migration, burial ground, Bakal archeological culture, gender and age structure, burial practice, migrants.

Могильник Устюг-1 находится в Заводовском районе Тюменской области, относимом к лесостепной зоне, на левобережье р. Тобол и занимает мысовидный участок останца первой надпойменной террасы. Это один из немногочисленных памятников эпохи Великого переселения народов в Зауралье и за-

мечательный источник для изучения как культурогенеза, так и исторических событий данного периода [1; 2]. Кроме того, он расположен рядом с известным Старо-Лыбаевским-1 городищем [3] бакальской культуры, на котором найден керамический материал, аналогичный находкам из некрополя, и вероятно, относится

¹ Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» проект «Изменчивость адаптивных возможностей и саналогического состояния аборигенов Сибири в конце I – середине II тыс. н.э.» и гранта РГНФ 12-01-00329 «Миграции в лесостепном и подтаежном Зауралье в эпоху Великого переселения народов и формирование раннесредневековых общностей Урала и Западной Сибири».

к самой ранней фазе существования средневекового поселения.

В нем в течение 2009-2012 гг. экспедицией Тюменского госуниверситета исследовано 19 малых близко расположенных друг к другу насыпей, а именно: курганы №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 13, 14, 25, 26, 27, 28, 29, 34, 35, 40, 43, 47, 49, из которых под возвышением 47 никаких погребальных объектов не оказалось, и поэтому считать его курганом нельзя. Курган 27 содержал одно саргатское захоронение, курган 5 представляет собой последовательно введенные в одну яму саргатское и раннесредневековое погребения. В кургане 49 в центр были введены сначала погребения 2 и 5 саргатской культуры, а позднее – погребения 1, 3, 4 эпохи раннего средневековья.

Здесь мы рассмотрим особенности основной группы захоронений, датированных по инвентарю IV-VI вв. н.э. [4, 73]. Следует отметить, что памятник отражает формирование бакальской культуры с участием разнородных компонентов, что проявляется в разнообразии деталей погребального обряда и наборов керамики, в том числе с точки зрения ее форм, узоров, состава теста и приемов конструиро-

вания, позволяющих видеть карымские, псевдокушнаренковские и какие-то среднеазиатско-казахстанские традиции.

Из характеристики погребений по группам с точки зрения наличия или отсутствия в них керамики вышеперечисленных типов (табл. 1) следует, что никаких устойчивых корреляций типа посуды и способов погребения или состава и группировки инвентаря не наблюдается. Обращает на себя внимание малочисленность карымских черт: зафиксировано только одно погребение с сосудом, сочетающим штампованный узор таежной керамики с горшковидной формой, характерной для лесостепных культур (погребение 2 кургана 3). Захоронения с конем в виде размещения туши на перекрытии могильной ямы встречены только два раза, они сделаны в центральных могилах, как с бакальской, так и с разнородной керамикой псевдокушнаренковского облика. В кургане 35 обнаружены только кенотафы, посуда в которых также разнотипная. Получается, что керамика в данном некрополе не является выделяющим признаком. Посмотрим, может быть, группировка в курганах осуществлялась по семейному признаку в цепочки.

Таблица 1

Характеристика особенностей погребальных комплексов могильника Устюг-1 с керамикой разных типов (в колонках даны сокращенные обозначения могил) за 2009-2012 гг. раскопок.

Признак	Бакальская	Карымская	Псевдокушнаренковская	Разнотипная или без керамики	Безы Inventарное
Центральное	3	1	2	8	0
Периферийное	6	0	0	6	4
Одиное	8	0	2	8	3
Коллективное	1	0	0	4	1
Яма отвесная	5	1	1	9	4
Яма с заплеиками	3	0	1	4	0
Яма с гробом или коробом	0	0	0	1	1
Яма прямоугольная	1	0	1	3	1
Яма овальная	9	1	1	10	3
Глубина ям от 0,1 до 0,5 м	3	1	0	4	6
Глубина от 0,6 до 1,0 м	7	0	2	5	0

Глубина более 1,1 м	0	0	0	1	0
Поза – скорчено	1	0	0	0	0
Поза – вытянуто	1	0	0	5	4
Ориентировка С-Ю	2	0	0	1	2
Ориентировка под 20-45% к С	7	1	2	10	2
Кисти вдоль тела	0	0	0	2	2
Кисти на животе	0	0	0	1	1
Нож	6	1	1	7	0
Наконечники стрел	4	0	0	2	0
Оселок	0	0	0	1	0
Вотивное копье	1	0	0	0	0
Конская упряжь	0	0	2	2	0
Предметы культа	1	0	1	1	0
Поясная гарнитура	3	0	0	2	0
Фибула	0	0	0	1	0
Серьги	1	0	0	1	0
Бляшки	1	0	0	2	0
Подвески головного убора	1	0	0	0	0
Бусы	2	0	1	2	0
Кости животных в могиле	2	0	1	2	0
Скелет лошади на перекрытии	1	0	1	0	0
Кости животных, со- суды у могилы	4	0	0	0	0
Угли в засыпке	0	1	0	0	0
Вещи у могилы	2	0	0	0	0

В кургане 1 похоронены двое мужчин и ребенок; в кургане 2 – две женщины и мужчина; в кургане 3 – ребенок и мужчина; в кургане 4 – мужчина и взрослый человек, пол которого не определен; в кургане 5 – взрослый и ребенок; в кургане 28 – женщина и двое детей; в кургане 14 – мужчина и взрослый, пол которого не удалось установить; в кургане 49 – женщина, еще один взрослый и младенец. В большинстве других курганов захоронения одиночные. Получается, что только курганы 2 и 25 могут быть восприняты как семейные, так как в последнем кроме женщины и двух детей в цен-

тре есть еще мужчина (?) на периферии. Таким образом, отдельный курган не всегда являлся семейным комплексом. Могла ли быть таким комплексом цепочка соседних курганов, вытянутых в одну линию (рис. 1)? На этот вопрос ответить трудно, так как ни одна из цепочек не раскопана полностью. Однако половину такой цепочки составляют курганы 2, 28 и 29, исследованные одним раскопом [4]. В них захоронены две женщины около 20 лет, мужчина и женщина зрелого возраста, двое детей 4-5 лет. Для семейного коллектива, хоронившего в данном месте своих членов несколько десятилетий, в

этом перечне не достает детей и младенцев. Но, учитывая не раскопанные курганы (№ 44 и 45), расположенные по соседству, несколько большие по размеру, в них можно ожидать обнаружение еще нескольких человек, в том числе и мужчин, суммарно пригодных для образования гипотетической семьи. Поэтому установленные факты выше сформулированной гипотезе не противоречат. Предполагаемая планировка некрополя находит аналогии в Козловском могильнике несколько более раннего времени [5], который по инвентарю датирован второй половиной IV-V вв. н.э.

Рассмотрим, есть ли противопоставление людей разного пола и возраста по количеству труда, затраченного на возведение погребальных сооружений, инвентаря и жертвенной пищи?

Безынвентарные могилы встречены 4 раза, они всегда периферийные, в двух случаях это младенцы, одно парное: мужчина и ребенок, одиночное мужское. В центре курганов 1, 4 и 26 захоронены мужчины, курганов 3 и 43 – дети, кургана 14 – подросток, кургана 2 – молодая женщина и зрелый мужчина; кургана 5 – взрослый человек и ребенок 9-10 лет, курганов 28 и 29 – женщины; кургана 25 – коллективное захоронение женщины, ребенка и подростка (табл. 2). Парное захоронение детей в погребении 2 кургана 28 и ограбленное захоронение в погребении 2 кургана 34 были под очень низкими насыпями, но встроены в одну линию с могилами в более крупных курганах и с течением времени слились с ними. Об остальных курганах вынести заключение невозможно из-за их ограбления. Из этого перечня видим, что системы в расположении центральных и периферийных могил в соответствии с полом

или возрастом не прослеживается. Можно отметить лишь, что отдельные курганы сооружались для людей любого возраста и пола, видимо, по обстоятельствам смерти. От статуса личности, видимо, зависели размеры насыпи и могилы, количество сосудов с пищей и вещи, помещаемые с умершим.

В могильнике Устюг-1 различия по количеству и качеству инвентаря не особенно значительные, не обнаружено драгоценных и редких предметов, хотя рядовые украшения, в том числе привозные: бусы, поясные пряжки, подвески – не редки. В отличие от Козловского могильника в наборах из могил нет гривен, браслетов, обувных пряжек, накладок на ножи, кинжалов.

Всего установлено наличие 30 погребенных, включая разрозненные останки из разрушенных могил (табл. 2), из них 5 составляли женщины, 9 – подростки и дети, 6 – мужчины, пол остальных шести взрослых остался не определен точно, что требует дальнейших антропологических исследований. Погребенные находились в 17 одиночных и 5 коллективных могилах, из которых в одной были остатки 4 человек. Если считать количество умерших, учитывая кенотафы, сделанные на определенное число лиц, то получится в исследованной части некрополя 19 одиночных и 6 групповых могил. Зная, что дети и подростки обычно составляют 50-70% всех умерших, мы должны констатировать наличие каких-то грунтовых, например, введенных в полу кургана, то есть не сохранившихся, детских захоронений. Примером существования такой практики является полуразрушенное погребение 1 кургана 49, введенное с самого верха насыпи.

Таблица 2

Антропологическая характеристика скелетов из погребений Устюга-1

№№	Наличие деформации	Место в кургане	Пол	Возраст
Погр. 1, костяк 1, кург. 1	есть	периферия	ребенок	9-10
Погр. 1, костяк 2, кург. 1	есть	-//-	мужчина	35-40
Погр. 2, кург. 1	нет	центр	мужчина	25-30
Погр. 1, кург. 2	есть	периферия	женщина	50-55
Погр. 2, костяк 1, кург. 2	нет	центр	женщина	18-20
Погр. 2, костяк 2, кург. 2	есть	-//-	мужчина	Около 40

Погр. 1, кург. 3	*	периферия	?	20-25
Погр. 2, кург. 3	*	центр	ребенок	12-15
Погр. 1, кург. 4	есть	центр	мужчина	30-40
Погр. 2, кург. 4	*	периферия	?	взрослый
Погр. 1, костяк 2, кург. 5	нет	центр	?	35-40
Погр. 1, костяк 3, кург. 5	*	-//-	ребенок	9-10
Погр. 1, кург. 14	есть	периферия	мужчина	55
Погр. 2, кург. 14	*	центр	?	17-20
Погр. 1, костяк 1, кург. 25	нет	периферия	женщина?	30-35
Погр. 1, костяк 2, кург. 25	*	-//-	?	40-50
Погр. 4, костяк 1, кург. 25	есть	центр	женщина?	35
Погр. 4, костяк 2, кург. 25	есть	-//-	ребенок	4-5
Погр. 4, костяк 3, кург. 25	есть	-//-	подросток	15-17
Погр. 4, костяк 4, кург. 25	*	-//-	Ребенок	9-10
Погр. 1, кург. 26	есть	центр	мужчина	45-55
Погр. 1, кург. 27	*	?	?	взрослый
Погр. 1, кург. 28	есть	центр	женщина?	35-45
Погр. 2, костяк 1, кург. 28	есть	центр	ребенок	5
Погр. 2, костяк 2, кург. 28	есть	-//-	ребенок	5
Погр. 3, кург. 29	есть	центр	женщина	20
Погр. 2, кург. 40	есть	периферия	женщина	30-35
Погр. 1, кург. 49	*	-//-	младенец	3-6 мес.
Погр. 3, кург. 49	нет	-//-	женщина?	более 50
Погр. 4, кург. 49	*	периферия	женщина	30-35

* Кости мозговой капсулы не сохранились, поэтому невозможно сделать вывод о наличии или отсутствии деформации, в одном случае по черепной коробке нельзя сделать такие определения ввиду младенческого возраста захороненного (3-6 мес.).

Почти все погребенные, независимо от пола и возраста, имели искусственно вытянутые головы вследствие их бинтования с младенчества мягкими повязками (табл. 2). Следы деформации зафиксированы на 15 из 20 исследованных черепных коробках. Как нам кажется, в этом выражена тенденция к однородности, сглаживанию имущественных и социальных различий. Трудные условия жизни, требовавшие солидарности, сплоченности, нашли отражение в значительном количестве травм и ранений. Все это указывает на военные конфликты либо на межгрупповую агрессию, а также на тяжелый труд, стрессы и недоедание. Наиболее близкой аналогией нашему некрополю по наличию деформации черепов и следам ранений, является Усть-Тара-7, но там в составе погребенных явно преобладают женщины [6, 161-163], что тоже указывает на чрезвычайные обстоятельства в жизни социума.

По сравнению с Козловским могильником [5] в Устюге-1 нет охры, золы, прокалов в могилах и рядом, нет следов кремации. Не встречена поза всадника. Мало северных ориентировок, характерных для Козлова Мыса-2, преобладают могилы с отклонениями под 20 или 45% от севера. Представляется, что в могильнике Устюг-1 зафиксировано дальнейшее развитие раннесредневекового погребального обряда, в котором традиции таежных переселенцев, представленные погребениями с карымской керамикой [1] уже оказались поглощены автохтонным компонентом, с одной стороны, а с другой – появились новые мигрантные группы с более отчетливо выраженными, чем в Козловском могильнике и в близком по времени, но более северном Ипкульском могильнике [7], казахстанско-среднеазиатскими чертами.

К сожалению, обширный материал как зауральского степного региона, так и лесостепной Башкирии [8] хронологически и территориально близкий нашему остался детально не изученным антропологами, несмотря на его большую роль в историко-культурных построениях по эпохе Великого переселения народов [9], поэтому здесь мы не можем провести сравнительный анализ половозрастных особенностей погребальных обрядов и демографической картины сопредельных территорий.

Некоторая информация по половозрастному составу погребенных с территории Верхнего Прикамья содержится в обобщающей работе по мазунинской культуре Т.И. Останиной [10]. Можно отметить сходство в размерах и глубине могил, но вместе с тем наблюдаются отличия в группировке погребенных. Там преобладают одиночные, количество коллективных невелико – 6%, а у нас их около 24%, причем следы насильственной смерти в братских мазунинских могилах не обнаружены

[10, 22-23], а в Устюге-1 они встречены. Т.И. Останина рассматривает ряды могил как участки патриархальных семей, в которых детские захоронения располагаются между родительскими. Интересно, что в Прикамье, так же как и в Устюге-1, не выделяются существенные различия между погребенными в имущественном отношении [10, 119-120].

Следует отметить, что в близком к нашему по хронологии и инвентарю Варнинском могильнике в бассейне р. Чепцы в Прикамье также отмечены следы искусственной деформации на черепках, а также следы ранений на скелетах [11].

Представляется, что выборка из рассматриваемого некрополя при детальном ее краниологическом изучении антропологами, при сопоставлении с археологическими данными, а также, возможно, в совокупности с изотопными анализами костной ткани людей на предмет особенностей рациона питания может послужить выявлению мигрантов в данной общине.

Литература

1. Матвеева Н.П. Поликультурная среда лесостепного Зауралья в середине I тыс. н.э. и формирование раннесредневековых общностей // Форум «Идель-Алтай». Матер. конф. Казань, 2009. С. 150-152.
2. Матвеева Н.П. Особенности формирования средневековых культур лесостепи Западной Сибири в эпоху Великого переселения народов // Труды III Всероссийского археологического съезда. Т. 2. Великий Новгород – Старая Русса, 2011. С. 69-70.
3. Овчинникова Б.Б. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 141-152.
4. Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009-2010 гг. // ABORIGINE. Вып. 4. Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2012а. С. 38-75.
5. Матвеева Н.П. Козловский могильник и проблема переходного периода от раннего железного века к позднему // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012б. № 4 (52). С. 70-85.
6. Скандаков И.Е. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаяжном Прииртышье // Гуманитарное знание. Омск: Омский госпедуниверситет, 1999. Вып. 3. С. 160-186.
7. Чикунова И.Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье // Труды III Всероссийского археологического съезда. Т. 2. Великий Новгород – Старая Русса, 2011. С. 112-113.
8. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 162 с.
9. Боталов С.Г. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000. 269 с.
10. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удм. НИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
11. Фаттахов Р.М. Краниологическая характеристика материалов из Варнинского могильника // Новый памятник поломской культуры. Ижевск. 1980. С. 152-156.

References

1. Matveeva N.P. Polikul'turnaja sreda lesostepnogo Zaural'ja v seredine I tys. n.je. i formirovanie rannesrednevekovyh obshhnostej // Forum «Idel'-Altaj». Mater. konf. Kazan', 2009. S. 150-152.
2. Matveeva N.P. Osobennosti formirovanija srednevekovyh kul'tur lesostepi Zapadnoj Sibiri v jepohu Velikogo pereselenija narodov // Trudy III Vserossijskogo arheologicheskogo s#ezda. T. 2. Velikij Novgorod – Staraja Russa, 2011. S. 69-70.
3. Ovchinnikova B.B. Staro-Lybaevskoe poselenie // Material'naja kul'tura drevnego naselenija Urala i Zapadnoj Sibiri. Sverdlovsk: UrGU, 1988. S. 141-152.
4. Matveeva N.P. Mogil'nik Ustjug-1 po raskopkam 2009-2010 gg. // ABORIGINE. Vyp. 4. Tjumen': izd-vo TjumGU, 2012a. S. 38-75.
5. Matveeva N.P. Kozlovskij mogil'nik i problema perehodnogo perioda ot rannego zheleznogo veka k pozdnemu // Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii. 2012b. № 4 (52). S. 70-85.
6. Skandakov I.E. Kurgannyj mogil'nik Ust'-Tara-VII v juzhnotaezhnom Priirtysh'e // Gumanitarnoe znanie. Omsk: Omskij gospeduniversitet, 1999. Vyp. 3. S. 160-186.
7. Chikunova I.Ju. Ipkul'skij mogil'nik kak istochnik po izucheniju jetnokul'turnoj situacii v rannem srednevekov'e v Pritobol'e // Trudy III Vserossijskogo arheologicheskogo s#ezda. T. 2. Velikij Novgorod – Staraja Russa, 2011. S. 112-113.
8. Mazhitov N.A. Bahmutinskaja kul'tura. M.: Nauka, 1968. 162 s.
9. Botalov S.G. Gunno-sarmaty uralo-kazahstanskih stepej. Cheljabinsk, 2000. 269 s.
10. Ostanina T.I. Naselenie Srednego Prikam'ja v III-V vv. Izhevsk: Udm. NIJaLiUrO RAN, 1997. 327 s.
11. Fattahov R.M. Kraniologicheskaja harakteristika materialov iz Varninskogo mogil'nika // Novyj pamjatnik polomskoj kul'tury. Izhevsk. 1980. S. 152-156.